

Второй том Истории русского искусства (далее — ИРИ), как и предыдущий, делится по хронологическому принципу на две части. Одна из них охватывает период от второй четверти XII в. до примерно 1160-х гг., другая — посвящена искусству второй половины — конца XII в. В политической и духовной жизни Древней Руси это были две различные эпохи, каждая из них имеет свои особенности, отразившиеся во всех сферах культуры и искусства, что определило предложенные авторами способы рассмотрения памятников, характер построения текстов. И в первой, и во второй части есть разделы, посвященные архитектуре, живописи, монументальной пластике, но в силу самой специфики материала он по-разному в них представлен. В первую очередь это касается архитектуры и пластики. Здесь определяющим является принцип рассмотрения памятников по регионам. В разделах же, посвященных живописи, в основном сохраняется более традиционный принцип сопоставительного анализа рассматриваемых произведений, позволяющий выявлять тенденции в формировании иконографических тем и программ, общие закономерности в развитии стилистики, действовавшие в домонгольское время на всей территории Руси и даже шире — во всех странах восточнохристианского мира.

В истории Древней Руси XII столетие — эпоха, не только обладавшая своим неповторимым обликом, «решавшая свои задачи», но во многом определившая те традиции и те пути, по которым в дальнейшем пошло развитие и русской государственности, и русского искусства. С ней совпадает время интенсивного строительства, преобразования и формирования основ национального самосознания, стержнем которого стало понятие «Русская земля».

Нижняя граница периода, здесь представленного, определяется достаточно точно. После смерти Владимира Мономаха (1125) и его преемника на киевском великокняжеском престоле — Мстислава Великого (1132), продолжавшего сохранять реальную власть над большей частью территорий Киевской Руси, распад ее на самостоятельные княжества — «отчины», еще в 1097 г. зафиксированный де-юре на Любечском съезде князей, становится необратимым. Начиная с 1130-х гг. этот процесс шел с постоянным ускорением. Обозначенная граница совпадает и с началом

нового периода в развитии стиля искусства, заметные изменения в котором практически одновременно и повсеместно отмечаются во всех видах художественного творчества Византии и других православных государств.

Сложнее обстоит дело с обоснованием верхней хронологической границы, которую авторы статей, вошедших в настоящий том ИРИ, провели по рубежу XII–XIII вв. Дело в том, что конец XII столетия внешне не отмечен сколько-нибудь значительными событиями в политической жизни Руси. Ничто еще как будто не предвещало тех грозных событий, что вскоре, в 1204 г., приведут к падению Константинополя, а чуть позже, в 1223 г., к поражению объединенных русских и половецких полков, тогда впервые встретившихся лицом к лицу с монгольским войском на реке Калке. Однако, когда внимательно вчитываешься в произведения литературы и вглядываешься в памятники архитектуры и живописи того времени, начинаешь понимать, что черты, характеризующие особенности нарождавшегося нового стиля, отражают процесс формирования новых идеалов, появления тех условий духовной и социальной жизни, которым будет суждено изменить лицо Руси и ее восточных и западных соседей. Именно они как приметы грядущих серьезных изменений стиля искусства в большей мере, по сравнению с другими соображениями, послужили основанием для такого разграничения периодов.

В истории византийского искусства завершение развития одной традиции и рождение новой также приходится на рубеж XII–XIII столетий — время правления последних императоров из династии Комнинов и Ангелов [1]. Примерно то же самое в указанный период происходит на территориях западных соседей Руси. Как отметил Л.А. Беляев, сравнивавший закономерности процессов стилистического развития искусства Древней Руси и Западной Европы, хронологически домонгольский период совпадает с эпохой романики «вплоть до перехода к ранней готике». И там «разделительная линия» также проходит между концом XII и началом XIII в. [2]

При обосновании предлагаемой периодизации авторы опираются главным образом не на текстовые источники, а на данные, полученные в результате исследования произведений архитектуры, изобразительного и прикладного искусства. Они относятся

[1] Успенский Ф., 1948.

С. 315–392.

[2] Беляев Л., 2000. С. 722.

1

к этим памятникам именно как к источнику, неизменно следуя задаче уяснения их «исторического смысла» [3].

Среди основных факторов, определявших неповторимые особенности эпохи, ее духовную атмосферу, направление развития культуры и искусства, в первую очередь следует назвать обретение независимости разными княжествами и землями. На огромной территории Руси, еще недавно политически полностью подвластной Киеву, возникают автономные государства — земли и родовые княжеские уделы-«отчины» [ил. 1–3, 6, 7], наследуемые и самостоятельно управляемые представителями отдельных ветвей разросшегося клана Рюриковичей [ил. 4, 5]. Но этот процесс самоопределения не был однозначным, поскольку у большей части представителей княжеского клана Рюриковичей, господствовавшего в Русской земле, еще долго сохранялись иллюзии возможности возврата к единодержавному правлению, имевшему место при Ярославе Мудром и даже еще при Владимире Мономахе. Поэтому борьба за киевский «стол» не прекращалась. В свою очередь, и великие киевские князья время от времени вмешивались во внутренние дела, казалось бы, уже обретших самостоятельность княжеств.

Наряду с начавшимся процессом политической самоидентификации отдельных княжеств, создававшим условия для формирования специфических черт местной культуры, шла активизация экономических связей между ними. Кроме того, все удельные земли

сохраняли единое правовое пространство, на их территориях продолжали действовать законы, принятые Ярославом — «Русская Правда», — и церковные уставы.

Процессу дробления Киевской Руси на уделы противостояла ее христианизация, происходившая одновременно с ним и даже опережавшая его. Соответственно по мере постепенного укоренения православия как религии уже не только княжеско-дружинной среды, но и основной массы городского населения происходила и духовная интеграция общества. Все события русской истории XII в. протекают на фоне постепенного преобразования Киевской Руси как политического объединения в пространство этнической, языковой, культурной и, что особенно важно, духовной идентичности живущих на ее территории людей, именуемое летописцами «Русской землей».

Именно в XII в., вопреки распаду могущественной державы Владимира Мономаха, рождается поэтический образ Руси. Анализ памятников литературы и искусства показывает, что, несмотря на не прекращавшиеся княжеские междоусобицы, происходило укоренение в сознании народа идеи ее духовного единства [4]. Киев на протяжении всего домонгольского периода продолжал оставаться духовным центром страны и одновременно законодателем художественной «моды», он по-прежнему являлся основным посредником в передаче в самые отдаленные регионы Руси новых идей и стилистических веяний, приходящих из столицы Византии

[3] Черепнин, 1969. С. 33–34.

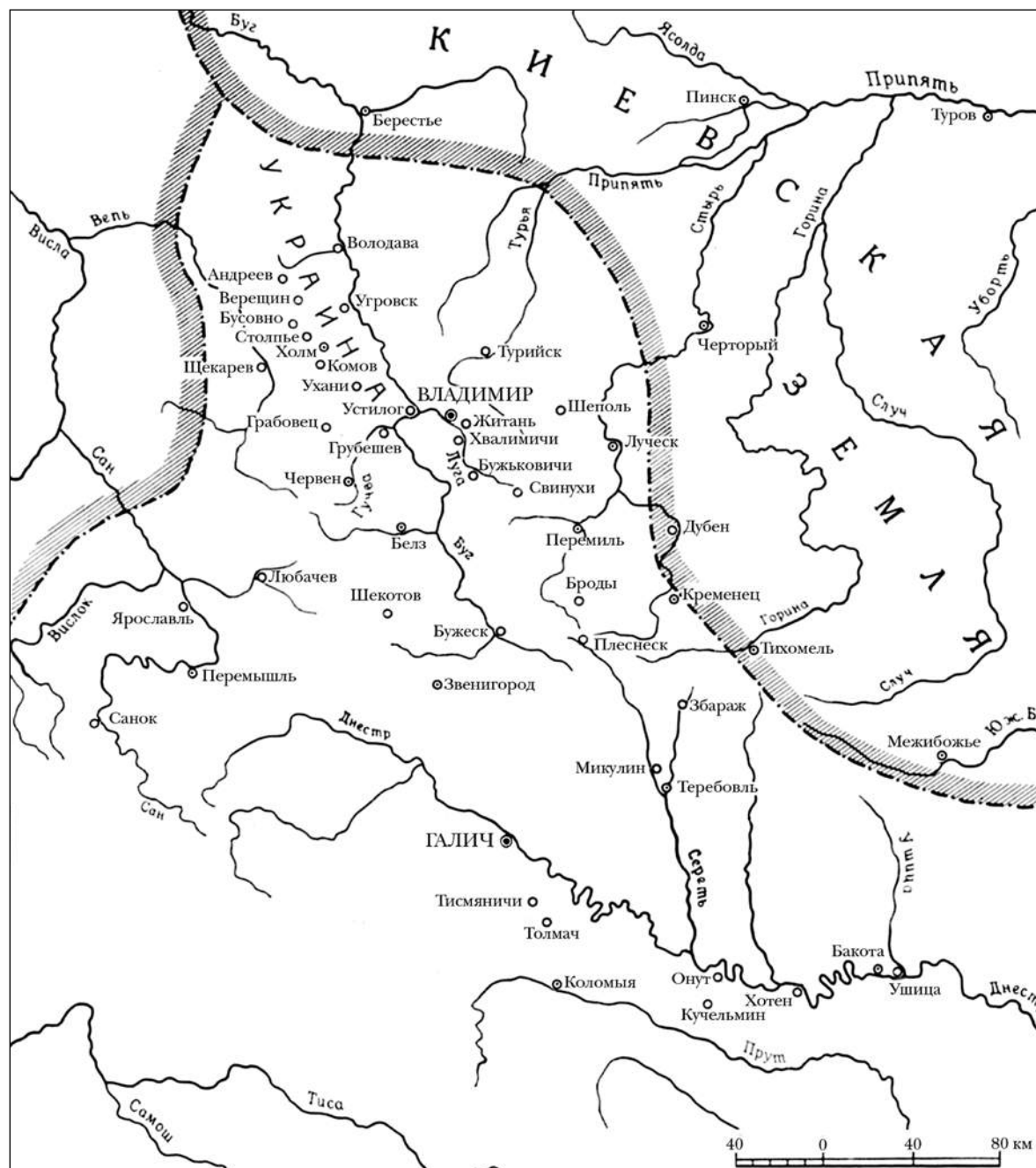
[4] Повесть временных лет, 1996. С. 273.

и других крупных центров православного мира. Как общая «дедина» внуков и правнуков Ярослава Мудрого, Киев и в ту эпоху, и много позже оставался олицетворением единства Русской земли и ее государственности. Столь уникальной ролью города, видимо, и объясняется то, что именно такой его образ продолжал жить в народной памяти, о чем свидетельствуют произведения фольклора – былины и сказки. Сложившийся в XII в., он, по словам В.О. Ключевского, позволял народу видеть себя участником истории и «через это участие чувствовать себя чем-то цельным, делающим общее дело» [5].

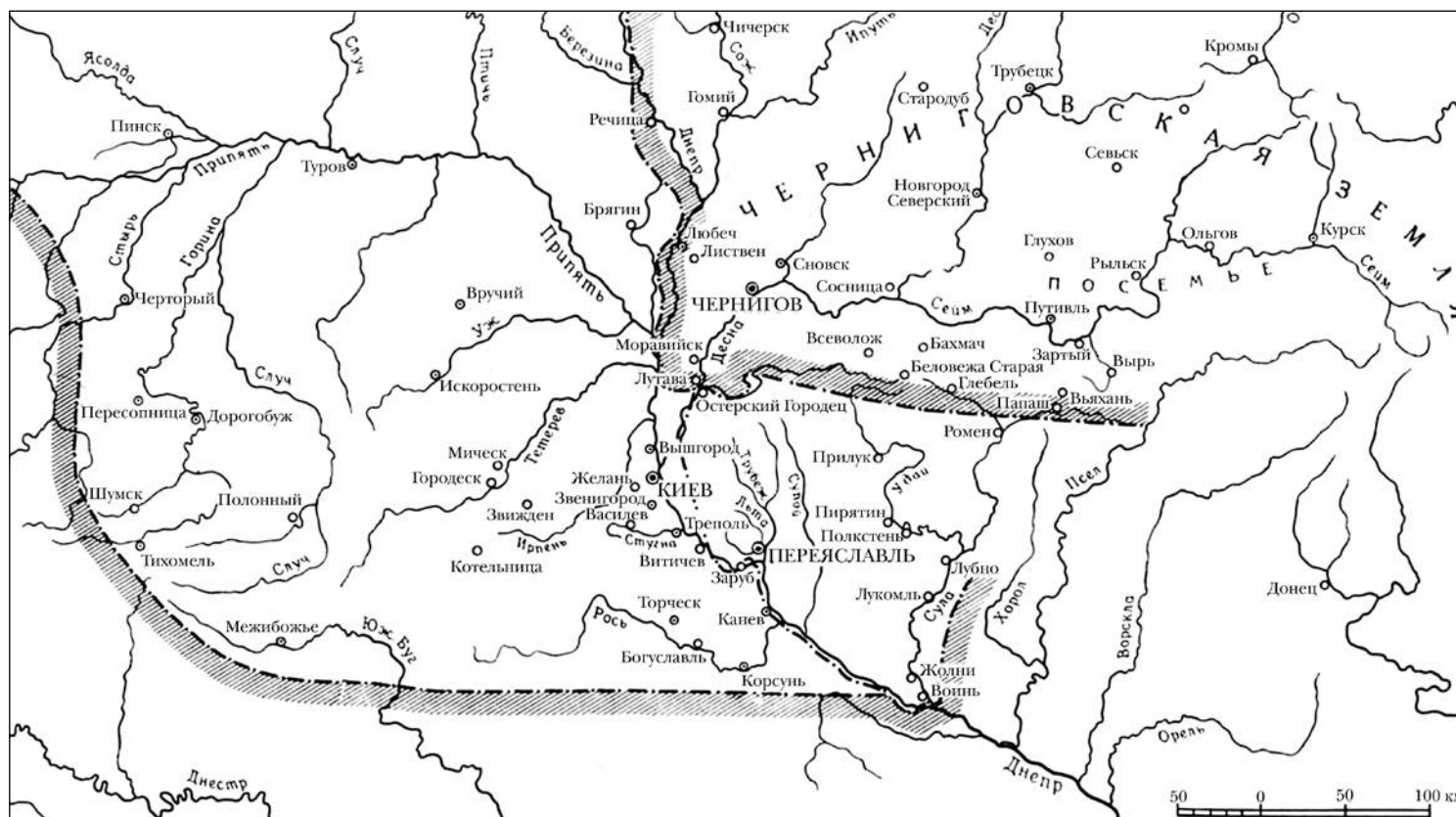
Наряду с образованием независимых «отчин» и интенсивным процессом христианизации Русской земли не менее важным фактором, определявшим ход истории XII в.,

являлся рост числа городов. Он был обусловлен развитием торговли и ремесел и разрастанием династии Рюриковичей. Если на протяжении X–XI вв. на русской исторической арене действовало не более двух десятков князей правящего рода, то в XII в., согласно подсчетам историков, было уже более двух сотен князей. Ветви кланов, то борющихся друг с другом за обладание киевским престолом, то вступающих в союз, переплетались, что вело к изменениям в структуре династии и соотношении сил между землями [6]. Вместе с тем именно князья были той силой, которая способствовала экономическому развитию «отчин». Они вкладывали свои доходы в развитие местных ремесел и местного рынка [7], покровительствовали международной торговле, инициировали процесс колонизации новых земель в Заволочье,

2 Земли Владимиро-Волынского и Галицкого княжеств. Карта
3 Земли Киевского и Черниговского княжеств. Карта

[5] Ключевский, 1987. Т. 1. С. 211–212. Об этом см. также: Петрухин, 2000. С. 19–25.
[6] Франклин, Шепард, 2000. С. 485.
[7] Там же.

3

на Русском Севере, где добывали меха. Большое значение придавалось ими установлению контроля над старыми и новыми торговыми путями, особенно над теми, что шли в обход Киева. В частности, властители Ростова и Суздаля контролировали пути, ведущие и в Новгород, и на Среднюю Волгу; другие князья способствовали превращению Владимира Волынского, Полоцка и Смоленска в посредников в торговле с Польшей и Германией, Новгорода — с Германией и Северной Европой; интересы черниговских и северских князей были связаны с торговыми путями, проходившими от Азовского моря и Дона по половецким степям к среднему течению Волги и землям вятичей.

Особое значение приобретает галицкий путь. Так, в «Слове о полку Игореве» мы находим ценнейшее свидетельство, говорящее о том, что галицкий князь Ярослав Владимирович (Осмомысл) контролировал торговые пути, шедшие через Карпаты и по Дунаю, связывавшие Русь, в том числе и Киев, с Византией и Западной Европой: «Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака (т. е. «перебрасывая» грузы товаров через горные перевалы, покрытые облаками. — Л.Л.), сударяда (снаряжая. — Л.Л.) до Дуная... отворяешь Киеву ворота» [8].

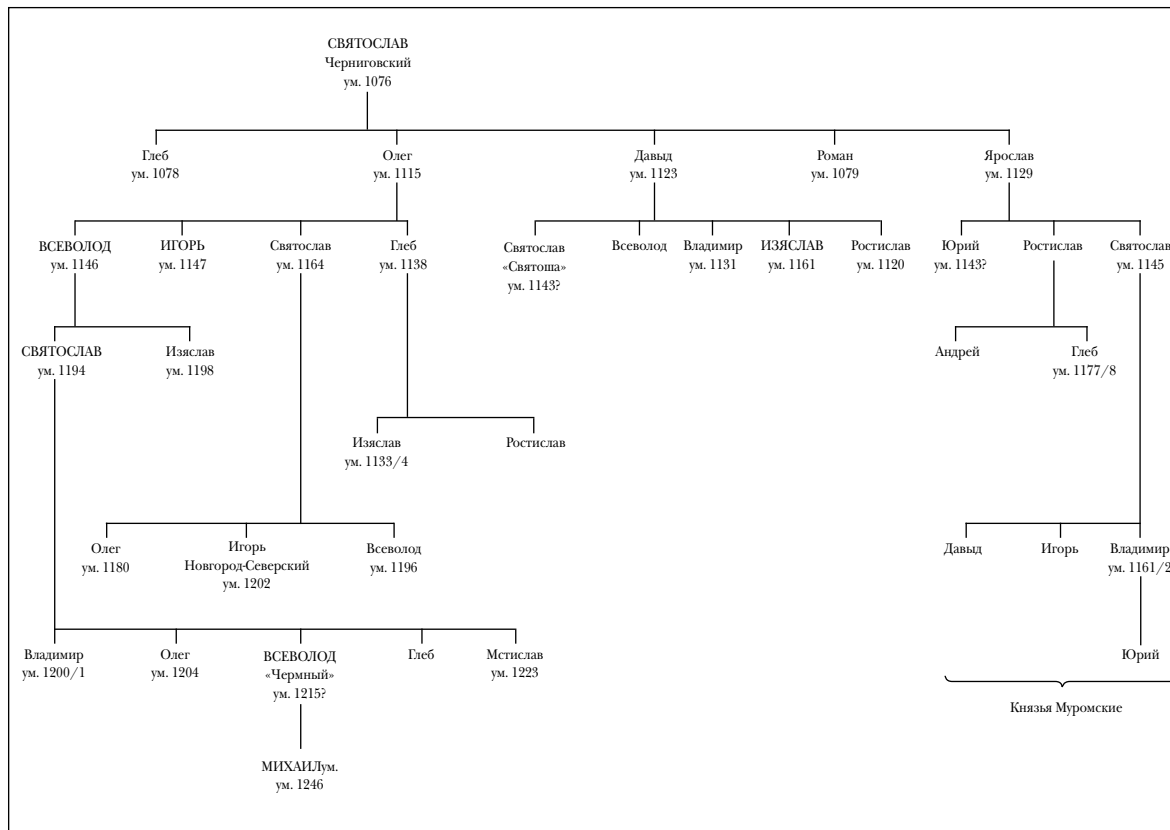
Наряду со старыми городами — столицами княжеств, где находились княжеская

администрация и дружина, епископы, представители местной феодальной элиты — боярства, строятся новые города и княжеские резиденции. В крупные политические, торгово-ремесленные и духовные центры превращаются некогда небольшие второстепенные периферийные города, такие как Смоленск и Владимир Залесский, которые еще при Мстиславе Великом отдавали значительную часть своих доходов Переяславльскому дому Мономаховичей. По мере увеличения числа князей и дробления уделов происходит дифференциация городов. На карте княжеств появляются городские поселения разных типов. Одни из них воздвигались для укрепления рубежей новых княжеств, защиты и охраны торговых путей, проходивших через их земли. Владимиро-Суздальские князья для обороны земли и контроля за торговыми путями создали целую сеть крепостей и форпостов, из которых самыми известными являются Переяславль-Залесский, Юрьев-Польской, Дмитров, Москва, Городец на Волге, Углич.

Другую группу составляли «феодалные замки и домениальные города, которые строились как княжеские резиденции и центры домениальных владений» [9]. Под их стенами появляются монастыри, начинают селиться ремесленники. Те города, где появлялись епископские кафедры, постепенно превращались и в центры духовного просвещения, книжности. По подсчетам А.А. Горского, за период с середины XII до середины

[8] Перевод с небольшими коррективами дается по изд.: БЛДР. Т. 4. 1997. С. 263.

[9] Свердлов, 1983. С. 122.

4

XIII столетия в Черниговской земле было 268 укрепленных поселений, из которых 32 превышали по площади 1 га. В Смоленской земле их было соответственно 156 и 18; в Киевской — 115 и 20; на Волыни — 96 и 31; в Галичской земле — 84 и 22; в Переяславльском княжестве 78 и 15, а в Ростово-Суздальской земле — 73 и 29 [10].

Одна из характерных черт русских городов, многие из которых первоначально возникли как родоплеменные административные центры и одновременно как центры ремесла и торговли, — прочная связь с сельской округой, сохранявшаяся на протяжении многих последующих веков истории. По мере умножения домениальных городов — центров княжеских и боярских вотчин, т. е. территорий, на которых велась хозяйственно-экономическая деятельность, христианство, являвшееся государственной религией, глубже и глубже проникает в сельские местности, где постепенно появляется все больше атрибутов официальной культуры. Этому же способствует появление загородных миссионерских монастырей, часть которых, благодаря вкладам князей и бояр, со временем становились земельными собственниками.

В разных городских центрах по-своему складывались отношения между князьями, местной боярской элитой и духовной властью. На территории Ростово-Суздальской земли, находившейся во владении младшей ветви наследников Владимира Мономаха, власть князей приобрела формы, близкие

к самовластию. Начиная с Андрея Боголюбского, занявшего владимирский «стол» в середине XII в., политика князей была направлена на подавление власти местного родового боярства. Влияние «старшей дружины» на политические дела ослабевает, на первый план выдвигаются неродовитые «милостники», приближенные к князю [11].

Однако во многих княжествах, в том числе и в самом Киеве, «знать “земли” выступает как сила, самостоятельная по отношению к институту княжеской власти» [12]. В Галичской земле, например, князьям постоянно приходилось считаться с волей местного боярства. В Новгороде бояре, являвшиеся потомками местной племенной знати, сохранявшие прочные связи с населением своих родовых «гнезд» и вотчин на всей территории Новгородской земли, были особенно многочисленны и сильны. В результате событий, имевших место в 1136 г. и получивших у историков определение «революция», устанавливается своеобразная местная форма государственности, отчасти напоминающая республиканское устройство: боярство формировало органы государственного управления, в которые институт княжеской власти встраивался как особая форма служения — военного, судебного и отчасти внешнеполитического [13].

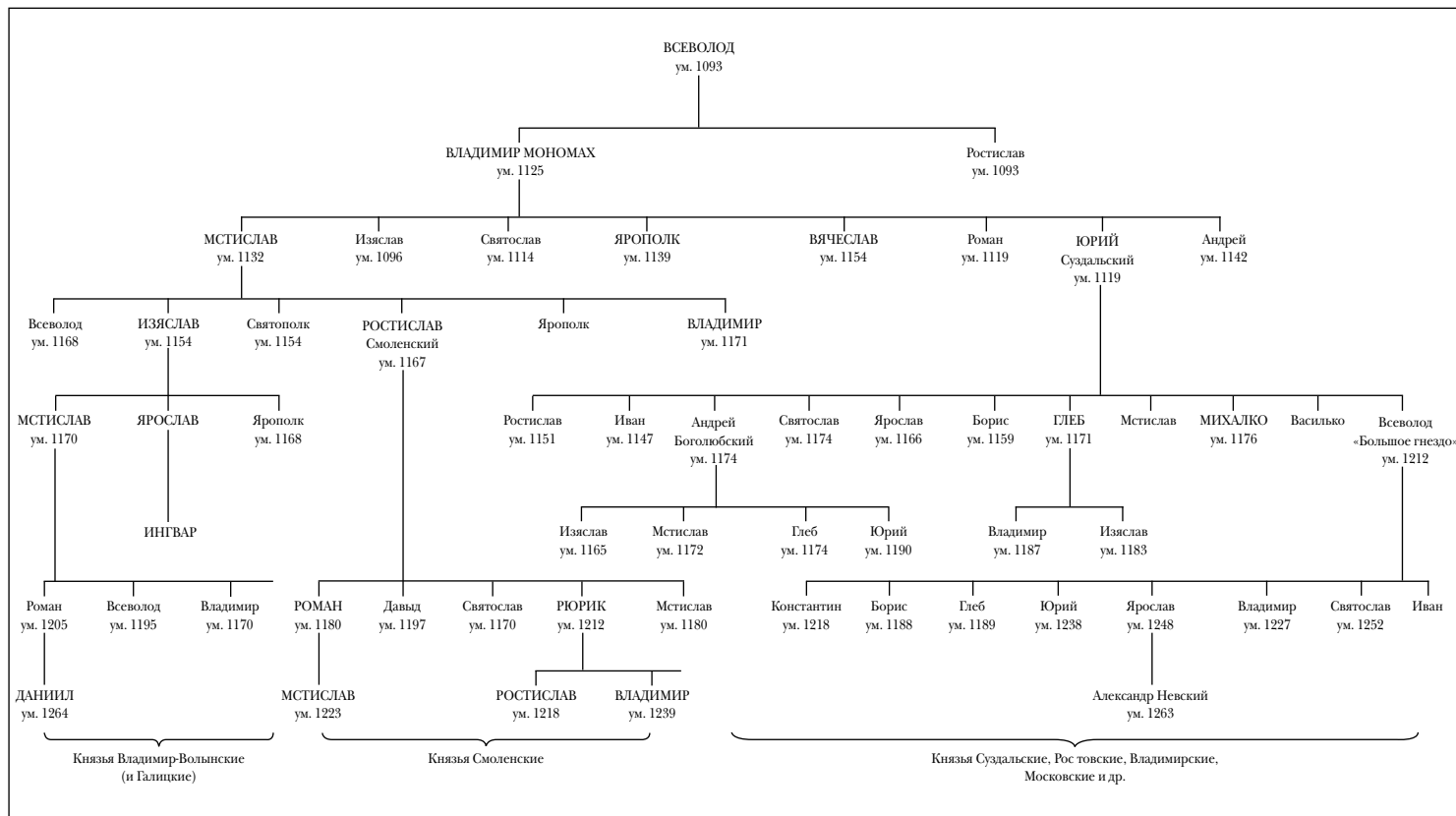
На фоне крупных княжеских уделов и земель, обретших независимость, Киев выделяется как номинальная столица Русской земли, являющаяся общим владением Рюриковичей, которая, согласно завещанию

[10] Горский, 2003. С. 32.

[11] Горский, 1989; Флоря, 2009. С. 64–84.

[12] Там же. С. 79–80.

[13] Янин, 1982. С. 79–95; Мусин, 2002. С. 201.

5

Ярослава и установлениям княжеских съездов, должна была находиться в управлении старшего в роде и переходить после его смерти к следующему князю по старшинству. Однако такой порядок наследования киевского престола был нарушен уже Владимиром Мономахом, по завещанию которого киевляне посадили на престол его старшего сына Мстислава Великого, хотя по праву Киев должен был перейти во владение князя из черниговской династии, в ту пору старейшего в роде Рюриковичей. В дальнейшем, на протяжении всего XII в., нарушения такого рода происходили систематически. «Старейшинство» все чаще стало отделяться от «генеалогической очередности» [14], что приводило к постоянным распрям и военным столкновениям между представителями самых могущественных ветвей потомков Ярослава Мудрого — черниговской, переяславльской, суздальской, смоленской и волынской, а также к противоборству князей и различных боярских партий [15].

Укреплению местного суверенитета способствовало наличие в столицах крупнейших «отчин» и «земель» епископских кафедр, число которых в XII в., по сравнению с тем, что было в XI столетии, увеличилось: в 1137 г. была основана кафедра в Смоленске; в XII в. епархии, безусловно, существовали в Галиче (учреждена до 1165 г.) и в Рязани (учреждена до 1207 г.). Но в целом для огромной территории Руси их число было слишком мало.

За весь домонгольский период на Руси было 15 епархий, не считая Тмутараканской:

«Малое количество епископов и необычайная обширность епархий, равных по протяжению иногда целым сотням епархий греческих..., навсегда стали отличительными особенностями русской церковной жизни». В результате чего оказывалось «физически невозможным» быть «действительным пастырем... Тысячеверстные расстояния и первобытные пути сообщения... разделяли архипастыря с большинством его паствы... Объезды епархий во всем их объеме оказывались невозможными и становились, во-первых, не столь частыми; во-вторых, ограничивались лишь немногими пунктами, расположенными по большим дорогам» [16].

Тем не менее, несмотря на малое число епископских кафедр, духовная жизнь Руси интенсивно развивалась, что выражалось в первую очередь в умножении церквей и монастырей, в заметном увеличении числа лиц духовного звания. В рассматриваемый период духовенство представляло уже значительный слой населения, начинающий обрести свое особое «социальное лицо» [17]. Быстро увеличивавшееся число храмов и монастырей создает условия для того, чтобы культура церкви оказывала заметное влияние на повседневную жизнь людей, сперва в городах, а позже и в сельских местностях.

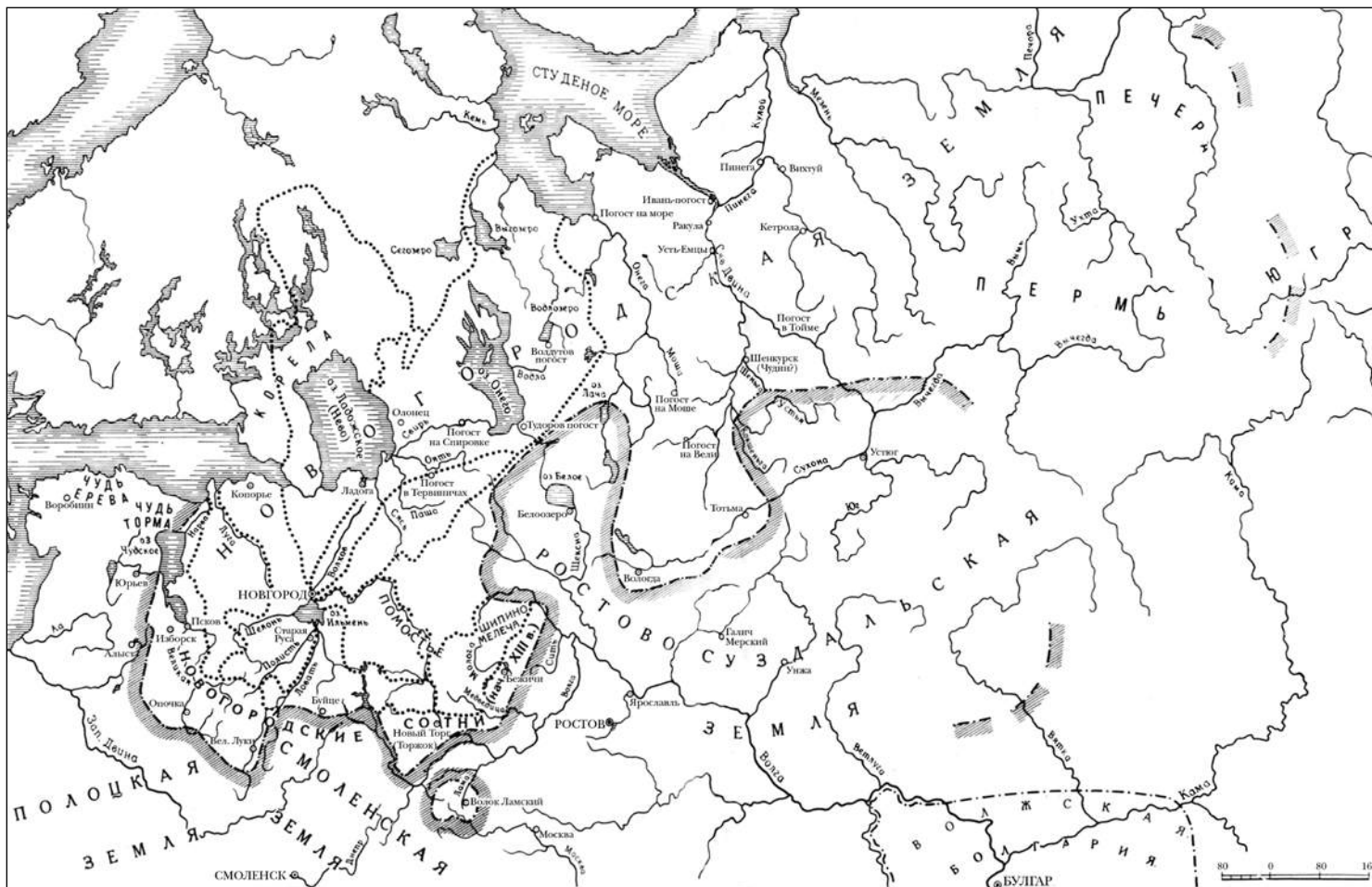
Миссионерская деятельность церкви уже в первой половине XII столетия дала зримые и весомые плоды. Так, В.В. Седов на основе изучения материалов курганных погребений Смоленской земли показал, что

[14] Петрухин, 2000. С. 227; Назаренко, 2000. С. 500–519.

[15] К кровавому противоборству привела, например, попытка, предпринятая в 1187 г. галицким князем Ярославом Владимировичем, изменить старую систему перехода власти и завещать стол своему побочному сыну (ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 656–657).

[16] Карташев, 1993. Т. 1. С. 183–184.

[17] Например, Б.А. Успенский считает, что слой духовенства в рассматриваемый период мог составлять уже около 2% взрослого населения страны (Успенский Б., 1994. С. 25).

6

еще в начале XII в. «массы населения оставались язычниками. Христианская религия в крестьянскую среду не проникала вовсе». Но уже в 1130-х гг., «когда в Смоленской земле была образована собственная епископия и началось строительство новых городов, ситуация активно меняется... Вторая половина XII и первая половина XIII вв. были переходным периодом, в котором языческое переплеталось с христианским. Сельское население в какой-то степени сохраняло языческое мировоззрение, участвовало в языческих праздниках и молениях, хоронило умерших на курганных кладбищах. Вместе с тем оно посещало церкви, крестило детей и соблюдало христианскую обрядность» [18].

Такие же процессы, судя по данным археологических раскопок, происходили и в других землях. «Предварительный анализ письменных свидетельств и косвенных археологических данных о христианизации Новгородской земли, — заключает А.С. Мусин, — выявил факт поступательного распространения христианства в XII в. практически на всех исследуемых территориях» [19]. Эти наблюдения полностью согласуются со свидетельством новгородского летописца, писавшего о полной победе христианства над язычеством: «И тако бо есть промысл божи, еже яве в последня: куда же древле погани жряху бесом на горах, ныне же паки

туды святыя церкви златъверхия каменозданныя стоят, и монастыре велицы поставлены быша, и черноризец в них исполнено бысть, безпрестани славяще бога в молитвах, в бдении, в посте и в слезах, их же ради молитв мир стоит» [20].

Постепенно христианизируется и сельское население. На сельских кладбищах, «даже в земле вятичей, начали появляться христианские могилы; кресты и другие символы христианства все чаще встречаются в традиционных курганных захоронениях» [21]. Из анализа всей суммы фактов историки делают заключение, что к концу XII столетия земли Руси были уже по преимуществу христианскими [22].

Распространяясь по территории Руси и проникая в разные слои общества, христианство начинает утрачивать черты религии, исповедуемой в основном княжеско-дружинной средой, и постепенно становится «своей» для основной массы населения. Христианские понятия, переходя из церкви в повседневную жизнь, становятся бытовой нормой, определяя нравственное состояние общества, поведение людей, характер их взаимоотношений. При этом исчезает необходимость в постоянной демонстрации своей принадлежности к официальной вере. Археологи отмечают, что число христианских атрибутов, нараставшее вплоть до конца

- [18] Седов, 1995. С. 78, 79.
- [19] Мусин, 2002. С. 178–179.
- [20] НПЛ, 1950. С. 103.
- [21] Никольская, 1981. С. 103–106; Седов, 1993. С. 3–11.
- [22] Франклин, Шепард, 2000. С. 503.
- [23] Лесман, 1995. С. 35–36.
- [24] Памятники канонического права, 1880. Стб. 21–62; Смирнов, 1912. С. 1–27; Романов, 1947. С. 196–237; Симонов, 1978.
- [25] Сапунов, 1888.
- [26] Алексеев, 1957/1. С. 220–244; Алексеев, 1993. С. 70–78.
- [27] БЛДР. Т. 4. 1997. С. 262.
- [28] Дубенский, 1844. С. 158–160.
- [29] ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 667.
- [30] За то, что Фридрих поддержал галичского князя Владимира Ярославича, тот обещал выплачивать ему в год 2 тыс. гривен серебра (ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 666).
- [31] Живов, 2000/1. С. 569.
- [32] Голубинский, 2002. Т. 1, ч. 2. С. 804.
- [33] Татищев, 2003. Т. 2. С. 381.
- [34] Голубинский, 2002. Т. 1, ч. 1. С. 879.

XI в., «затем в течение ста лет падает». В этой связи они приходят к следующему заключению: «Причины сокращения числа находок (таких атрибутов. — Л.Л.) кроются в изживании неофитства...» [23].

О том, сколь глубоко уже в первой половине XII в. образы христианской морали проникли в сознание значительной части городского населения, говорят «Вопрошания Кирика», обращенные к архиепископу Нифонту и касающиеся того, как следует относиться к широко распространяющейся практике паломничества в Святую Землю [24]. Паломничество в Иерусалим совершает полоцкая княжна Предслава (в монастыре Евфросиния), основавшая два монастыря в Полоцке. По преданию, она и скончалась в Святой Земле, в лавре Феодосия Киновиарха [25]. Из Палестины на родину паломники приносят многочисленные реликвии, которые хранили дома или вкладывали в приходские храмы и монастыри. К таким драгоценным святыням относится сделанный по заказу Евфросинии Полоцкой крест-реликварий с вложенными в него частицами Крестного древа, Гроба Господня, каплей крови Спасителя и другими реликвиями [26].

Сам Иерусалим, остававшийся вплоть до 1187 г. столицей Иерусалимского королевства крестоносцев, был центром межконфессионального общения православных,

католиков и мусульман, тем местом, где происходил активный культурный взаимобмен.

Крестовые походы, с которыми связаны важнейшие события европейской истории XII в., не могли не оказывать хотя бы косвенного влияния на политику и культуру Руси. Ученые не исключают даже, что русские отряды могли принимать в них участие. Поводом для такого заключения стали строки из «Слова о полку Игореве», посвященные галичскому князю Ярославу Осмомыслу: «Стреляеши с отня злата стола салтани за землями» [27]. Высказывалось предположение, что речь здесь идет об участии галичских воинов вместе с венграми в Третьем крестовом походе в войске Фридриха Барбароссы против султана Саладина [28]. О том, что император («царь немецкий») пошел биться за Гроб Господень, под 1190 г. сообщает Киевская летопись [29]. Красноречивым свидетельством существования прочных связей русских князей с германским императором является сообщение Ипатьевской летописи, читающееся под 1190 г. В нем говорится о побеге галичского князя Владимира Ярославича из венгерского плена в Германию «ко цареви немецкому», т. е. к императору Фридриху, который, узнав, что Владимир — племянник («сестричич») великого князя Всеволода Суздальского, «прия его с любовь[ю] и с великою честью» [30].

Хотя еще в 1054 г. Восточная и Западная церкви из-за догматических разногласий официально прервали общение, православные и католики не прекращали контактировать друг с другом, причем «особенно интенсивным», что естественно, это общение «оставалось на периферии западного и восточного мира, там, где они соприкасались» [31]. Как писал по этому поводу Е.Е. Голубинский, «житейское чувство доброго знакомства и соседства... парализовало в продолжение периода домонгольского религиозное чувство вражды» [32]. В «Истории российской» В.Н. Татищева даже можно найти сообщение о том, что сын Юрия Долгорукого Михалко, ставший ненадолго после смерти Андрея Боголюбского владимиро-суздальским князем, «с греками и латинами говорил на их языках, как по-русски, но о вере никогда прения иметь не хотел и не любил, поставляя, что все прения от гордости или невежества духовных происходят, а закон Божий всем один есть» [33]. Впрочем, тот же Е.Е. Голубинский высказал серьезные сомнения в достоверности этого сообщения [34]. Безусловно только то, что Михалко и его брат Всеволод жили как изгнанники несколько лет в Солуни — портовом городе, через который проходили торговые пути, где они имели возможность общаться и с греками, и с латинянами.

Контакты Руси с Западной Европой осуществлялись через торговые пути, династические браки [35], посредством призвания на службу к русским князьям воинских отрядов из Польши, Венгрии и Германии [36], а также благодаря приходам мастеров, нанимаемых для выполнения наиболее ответственных работ на строительстве и украшении храмов. О существовании прямых дипломатических и торговых связей Киева с западными государствами свидетельствует и знаменитая строка «Слова о полку Игореве»: «Ту немци и венецици, ту греци и морава поют славу Святъславлю» [37].

Постоянные и достаточно прочные политические и торговые связи с Западной Европой способствовали проникновению на Русь предметов западноевропейского прикладного искусства [38], приходу мастеров-строителей и резчиков по камню, которые приносили сюда строительные традиции и отдельные формы, характерные для романского искусства. Под их влиянием мог даже происходить отход от византийского канона в конструктивных решениях и отдельных деталях, местными мастерами усваивались новые сюжеты, изобразительные и орнаментальные мотивы. Некоторые исследователи, обращавшие внимание на явные свидетельства таких контактов, даже считают, что в Юго-Западной Руси, граничившей и с Балканами, и со странами Центральной Европы, «начинается как бы “эксперимент” по выработке набора архитектурных форм, максимально приближенных к европейским» [39]. Как заметил Л.А. Беляев, «по сути дела, это было становление местного варианта общеевропейского “переходного стиля”» [40].

Интересен тот факт, что западноевропейский «романский» и византийский «комниновский» стили в разной мере воздействовали на разные виды искусства Руси. Черты романики более отчетливо проявляются в архитектуре, что, безусловно, во многом зависело от прогресса техники строительства, инженерного искусства; в живописи, прямо связанной с литургическим обиходом, молитвенной практикой, традиционным благочестием, устойчиво удерживались иконографические мотивы и стилистика византийского искусства.

Но, конечно, основные направления развития русского общества, его культуры, как и в XI в., продолжали определять политические и церковные связи с Византией. На протяжении целого ряда лет там живут в изгнании полоцкие князья, вернувшиеся на родину только в 1140 г.; несколько лет, о чем уже упоминалось, провел в Солуни будущий великий князь владимирский Всеволод Большое Гнездо. В свою очередь претендент на византийский императорский престол Андроник Комнин бежал в 1164 г.

из Константинополя в Галич, где пользовался гостеприимством князя Ярослава Владимировича [41].

События, происходившие в Константинополе, достаточно быстро становились известными в Киеве. Не остаются незамеченными споры, имевшие место на церковных соборах в Константинополе в 1156–1157 гг., где рассматривались вопросы, связанные с пониманием текста еucharистического канона [42]. Известно, что в заседаниях константинопольских соборов принимал участие будущий киевский митрополит Константин, грек по происхождению [43]. Зависимость от константинопольского патриархата была столь чувствительной, что время от времени на протяжении XII столетия русское духовенство разделялось на партии, одна из которых выступала за сохранение традиционных прочных связей с ним, другая — за большую независимость киевской митрополии [44]. К греческой партии принадлежал, в частности, такой крупный деятель первой половины — середины XII в., как новгородский «владыка» Нифонт, получивший высокий сан архиепископа непосредственно от константинопольского патриарха Николая Музалона [45].

Названные факторы определяли своеобразие процессов духовной и культурной жизни Руси рассматриваемой эпохи. С наибольшей определенностью эти процессы проявлялись в характере взаимоотношений церкви и «мира». На Руси, где столкновения враждующих княжеских группировок не прекращались практически на протяжении почти всего столетия, церковь на местах могла отстаивать свои права во многом благодаря тому, что все земли Руси находились в юрисдикции одного киевского митрополита, назначавшегося константинопольским патриархом и находившегося в его непосредственном подчинении [46]. На протяжении всего XII в. она была, по сути, самой авторитетной и мощной силой, противодействующей политическому распаду Руси, утрате ею культурного единства. Влияние церкви на умонастроения общества имело исключительное значение. Благодаря ей у людей, проживавших на территориях разных феодальных государств, формировалось сознание духовной, культурной и национальной идентичности.

По мере увеличения числа церквей и монастырей, превращения духовенства в особую корпорацию и даже особый класс общества начинает складываться специфическая «монастырская» идеология, монашеская культура, оказывавшая влияние на все стороны повседневной жизни разных социальных слоев общества, включая княжескую и дружинную среду, некоторые представители которой даже принимали монашеский

[35] Например, сестра Всеволода Мстиславича Ингеборг была замужем за ободритским королем Кнудом Лавардом (*Назаренко*, 2001. С. 582, 589). Киевский князь Всеволод Ольгович в 1142 г. отдал свою дочь Звениславу «в Ляхы» за Болеслава, внука короля Болеслава Кривоустого (ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 313). Потомок Ярослава Мудрого князь Владислав, изгнанный из Польши, искал помощи в Германии, но сына отправил к Всеволоду Ольговичу в Киев, где тот находился вплоть до смерти князя. (*Грушевский*, 1891. С. 162). О том, что при дворе Всеволода в Киеве было много поляков, свидетельствует сообщение Ипатьевской летописи о свадьбе его сына Святослава: «скупившаяся (собрались) братья вся и безбожни Ляхове» (ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 313).

[36] Лаврентьевская летопись под 1149 г.: «Вшед Изяслав в Лучьск, и поча совокупляти оугры (венгров) и ляхы (поляков), и тое зимы приде к нему Болеслав и Ендрих брат его, и помочь оугрская» (ПСРЛ. Т. 1. 1997. Стб. 323).

[37] БЛДР. Т. 4. 1997. С. 260.

[38] *Даркевич*, 1966. С. 61–70.

[39] В данном случае понятие «переходный стиль» подразумевает феномен художественных форм, в равной мере используемых и византийским искусством комниновского времени, и искусством романского Запада (*Беляев Л.*, 2000. С. 743).

[40] Там же. С. 745.

О романских тенденциях в резьбе см.: *Вагнер*, 1969; *Луцко*, 1996/2. С. 35–38.

[41] «Прибеже ис Царягорода братан царев кюр Андроник к Ярославу оу Галич, и прия и Ярослав с великою любовью» (ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 524).

[42] *Епископ Николай Мефонский*, 2007.

[43] *Макарий, митрополит*, 1995. С. 292, 413, 496, примеч. 20; С. 521, примеч. 366.

[44] Поставить митрополита в полную зависимость от светской власти отчасти удалось киевскому князю Изяславу Мстиславичу в 1147 г. при избрании Клима Смолятича собором русских архиереев (*Приселков*, 2003. С. 206–208).

[45] *Хорошев*, 1980. С. 29–33.

[46] Попытку учредить во Владимире митрополию, независимую от Киева, в 1160-х гг. предпринял Андрей Боголюбский (*Ворошич*, 1962/1. С. 29–50).

8

постриг. Среди них наиболее известны имена Николы Святоши — представителя черниговского княжеского дома, ставшего монахом Киево-Печерского монастыря (ум. в 1145 г.), и преподобной Евфросинии Полоцкой (ум. около 1173 г.), княжны, также принявшей постриг и ставшей игуменьей женского Спасского монастыря в Полоцке.

Монастыри были своеобразными форпостами церкви, как в столицах княжеств, так и в периферийных городах, центрами духовно-просветительской деятельности, связанной в первую очередь с задачами проповеди христианского учения, которые в основном и определяли направленность их просветительской деятельности. Монахи занимались перепиской книг, переводами, составлением летописных сводов и сборников текстов вероучительного и нравоучительного («душеполезного») характера, некоторые из них являлись авторами оригинальных сочинений. Известно, например, что по просьбе Николы Святоши грек Феодос, ставший позже игуменом Печерского монастыря (ум. в 1156 г.), перевел для него «Послание папы Льва против ереси Евтихия» [47]. Монах Зарубского монастыря на Днепре Георгий был автором послания («От грешного Георгия черноризца Зарубскыя пещеры поучение к духовному чаду»), содержащего наставления в христианском благочестии [48]. Не случайно было отмечено, что «на Руси образование носило исключительно катехитический характер: образованность не вырастает здесь, как в Византии, из античной традиции, а поначалу целиком связана с миссией. Это отражалось и на составе книжности: подавляющая ее часть состоит из произведений духовной литературы. По своему объему этот корпус соответствовал средней византийской монастырской библиотеке, типа библиотеки монастыря Св. Иоанна Богослова на Патмосе» [49].

В первой половине — середине XII столетия в некоторых монастырях имелось еще немало насельников, хорошо знавших грече-

ский язык, начитанных, знакомых и со «светской» литературой. К их числу принадлежал, как считают исследователи, «доместик» (буквально — «наместник», житель, как он сам себя называет) новгородского Антониева монастыря Кирик. Тексты, связанные с его именем, обнаруживают знакомство автора с византийскими хрониками и сочинениями, посвященными проблемам математики и космографии [50]. В среде духовенства широкое распространение имели: «Палея Толковая», заключающая в себе изложение содержания Библии [51]; толкования «отцов Церкви» на книги Священного писания, такие как, например, «Толковое Евангелие» Феофилакта Болгарского или «Толкования на Псалтирь» Феодорита Киррского; «Злато струй» — сборник поучений и слов, связываемых с именем Иоанна Златоуста; «Пандекты» Антиоха и «Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца — собрания выписок из сочинений наиболее чтимых древних богословов.

Грамотность основной массы городского населения в XII в., судя по берестяным грамотам — находкам археологов [52], была исключительно высокой [ил. 8, 10]. Как отметил И. Н. Данилевский, «судя по обильным цитатам, встречающимся в оригинальных произведениях, а также полным или фрагментарным древнерусским переводам, читатели Древней Руси хорошо знали довольно широкий спектр святоотеческой и агиографической (т. е. «житийной». — Л.Л.) литературы» [53]. Кроме того, источниками образованности и житейской мудрости являлись разнообразные сборники типа «Пчелы», представляющей подборку кратких исторических анекдотов и всякого рода изречений, в том числе античных авторов — Аристотеля, Гомера, Платона, Плутарха, Ксенофонта, Демокрита [54], и «Златой чеши», включающей отрывки из хронографов, разных патериков, а также из постановлений церковных соборов [55]. В этот перечень популярных книг следует включить также такие как «Физиолог», «История Иудейской

[47] *Приселков*, 2003. С. 198.

[48] *Бычков*, 1917. С. 101–105.

[49] *Живов*, 2000/2. С. 592–593.

[50] *Симонов*, 1978; *Словарь книжности и книжников*, 1987. С. 215–217.

[51] *Словарь книжности и книжников*, 1987. С. 285–288.

[52] *Янин*, 1975.

[53] *Данилевский*, 2001. С. 211.

[54] *Семенов*, 1893; *Розанов*, 1904; *Словарь книжности и книжников*, 1987. С. 382–387; *БЛДР*. Т. 5. 1997. С. 414–447.

[55] *Словарь книжности и книжников*, 1987. С. 184–187.

9

войны» Иосифа Флавия, «Александрия», «Летописец вскоре» патриарха Никифора, «Пролог», «Девгениево деяние», «Повесть о Варлааме и Иоасафе», «Хроники» Иоанна Малалы и Георгия Амартола, «Повесть об Акире Премудром» и др.

Число оригинальных и переводных сочинений на протяжении столетия постоянно увеличивалось, при этом не только расширялся представленный ими спектр жанров, обогащалась их тематика, но изменялась и сама стилистика текстов. Естественно, что в общей массе литературы, ставшей доступной русскому читателю, в XI – первой половине XII в. особо выделялись произведения учительного характера, дававшие толкования самых важных мест библейских книг, объяснявшие основные догматы и комментирующие уставы церкви. Такого рода толкования часто являлись образцами эротопокритического жанра, т. е. были составлены в форме вопросов и ответов [56].

К оригинальным произведениям учительной литературы второй четверти XII в. принадлежат «Вопрошания Кирика» [57]. Обращенные к новгородскому архиепископу Нифонту, они представляют срез тех вопросов и проблем, касающихся как литургического обихода, так и нравственного состояния прихожан, с которыми ежедневно сталкивались священники. Формируется целый реестр понятий, связанных с повседневным служением священника, требующих отчетливого определения. Все это – вопросы, касающиеся случаев типовых и не связанные

с обсуждением проблемы личных взаимоотношений духовного отца и его паствы. Главное, что интересует священников, вопрошающих епископа, какими мерами можно оградить человека от греха и как получить прощение за грех, раз он произошел. В последнем случае достаточными признаются средства чисто формального характера: добросовестное выполнение повинности епитимии, обязательное участие в служении определенного количества литургий [58]. Пользуясь современным языком, можно охарактеризовать «Вопрошания Кирика» как «внутриведомственные» рекомендации или предписания.

Укоренение христианской веры в широких массах населения Руси требовало от духовных лиц не только знания и понимания «инструкций», связанных с исполнением их непосредственных обязанностей, но наряду с этим и умения изъяснять прихожанам глубинный смысл Священного писания и обрядов, совершаемых в церкви, способствуя тем самым освоению начал богословия и риторики. В таком деле высока была роль епископата, который должен был выступать уже наряду с князьями в качестве основного заказчика строительства храмов, их иконного и фрескового убранства, не говоря уже о переводах книг, необходимых как для приходских священников, так и для монахов.

Памятники письменности того времени образуют своего рода систему «протожанров», соответствующих «функциональным

[56] Словарь книжности и книжников, 1987. С. 77.

[57] Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, 1908. Стб. 21–62; *Смирнов*, 1912. С. 1–27.

[58] *Смирнов*, 1913. С. 122–124.

характеристикам» каждого литературного произведения [59]. Здесь были тексты и богослужебные, и «четьи», т. е. предназначенные для индивидуального чтения, — аскетические, учительные, исторические, назидательно-развлекательные, даже легендарно-поэтические, вроде переводной повести «Девгениево деяние» [60]. С возможностью такой их группировки соглашаются даже те исследователи, по мнению которых для литературы Древней Руси как раз типична «совместимость» разнородных по жанрам текстов, чем она резко отличается от принципиальной их «несовместимости в Византии» [61]. Обращая внимание на это свойство русской письменности, В.М. Живов замечает, что аналогичным образом, т. е. в связи с особенностями контекста, правомочно рассматривать «и любые другие феномены культуры: церковные обряды и каноны, иконы, мощи, богослужебное пение, церковную архитектуру и т.д.» [62].

Процесс усложнения культуры, усиливающееся влияние на нее со стороны церкви внешне находили выражение в заметном проявлении аскетических тенденций в разных ее сферах. В искусстве это сказывается в нарастании черт условности, в тяге к абстрагированию, схематизации и орнаментализации природных органических форм. Как и в литературе, в изобразительном искусстве складывается особый условный язык «линейной стилизации». Следует отметить, что данный процесс не был явлением, специфичным только для Руси. Параллельно те же тенденции развивались и находили претворение в разных сферах культуры Византии и Западной Европы, в стилистике зрелого комниновского искусства, с одной стороны, и романского — с другой.

Важнейшим фактором, оказывавшим влияние на климат духовной жизни, формировавшийся на протяжении XII столетия в различных княжествах и землях Руси, являлся характер взаимоотношений духовной и светской власти. Поддерживавшая центростремительные тенденции, что нашло выражение в том числе и в строительстве в столицах княжеств больших соборов по образцу особо почитаемого киевского святилища в честь Богоматери — Успенского собора Печерского монастыря [63], церковь не могла стоять в стороне и от процесса развития местных культур. Во всех новых государственных образованиях — удельных княжествах, обретших политическую независимость от Киева, он шел с нарастающей интенсивностью. И здесь была очень велика роль монастырей, тем более что наряду с монастырями, главной задачей которых была миссионерская и духовно-просветительская деятельность, все в большем количестве появляются обители частные, построенные их основателями «по обету», такие, напри-

мер, как новгородские монастыри: Благовещенский на Мячине, Успенский Аркажский, Спасо-Нередицкий, Хутынский.

Постепенно складывались традиции почитания местных святых и святынь — икон и реликвий, устанавливались сугубо местные церковные праздники, такие как праздник Покрова Богоматери в Ростово-Суздальской земле [64]. В Киеве помимо почитания благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, чей культ в рассматриваемую эпоху обрел уже общерусский характер, как чудотворная прославляется икона Богоматери Пирогощей; местной, а вскоре и общерусской святыней становится «Дивная» церковь — Успенский собор Киево-Печерского монастыря. В Новгороде, скорее всего, уже в это время устанавливается празднование иконе «Богоматерь Знамение»; во Владимире Залесском — иконе Богоматери, получившей наименование «Владимирская» [65] [ил. 9]. Среди пользующихся местным почитанием святых, в память о которых составлялись их жития, а летописцами делались записи об их благочестивой жизни, можно назвать имена Аркадия, епископа Новгородского [66], преподобной Евфросинии Полоцкой [67], епископа Леонтия Ростовского [68], киевского князя Ростислава Мстиславича, которого летописец в посмертной «Похвале» называет «треблаженным и святым» [69].

В плане идеологическом наиболее отчетливо сепаратистские тенденции отразились в местном летописании. Свои летописные своды наряду с древнейшими общерусскими центрами — Киевом и Новгородом — начинают создавать в Чернигове, Переяславле, Галиче, Смоленске, Владимире Залесском [70]. Их составители «пишут свою историю и прославляют... своих князей». Они отражают «не только противоречия, раздиравшие русские земли и княжеский род, но и формирование регионального самосознания» [71]. Изменение идеологических установок наглядно иллюстрирует история новгородского летописания первой половины XII столетия. Там после 1136 г., когда была составлена княжеская летопись — Софийский временник, летописание перешло из княжеской канцелярии в руки летописцев владычных, т. е. непосредственно подчиненных епископу [72].

Укрепление независимости отдельных княжеств и земель, их экономического могущества способствовало росту городского населения, стимулировало рост торговли, создавало почву для развития местных ремесел. Как показывают исследования археологов, в прямой связи с социальными изменениями находится наблюдающийся в XII в. переход от работы на заказ, от создания «штучных» изделий к ремесленному производству, к работе на рынок. В Новгороде

[59] Об этом, со ссылкой на работу В. Шмидта и В. Зеемана (*Schmidt, Seeman*, 1987. S. 1–25), пишет В.М. Живов (*Живов*, 2000/2. С. 605).

[60] Перевод византийского эпического сказания Х в. о войне-богатыре Дигенисе Акрите см.: *Дигенис Акрит*, 1960.

[61] *Живов*, 2000/2. С. 610.

[62] Там же.

[63] *Лихачев*, 1985.

С. 17–23.

[64] *Воронин*, 1965/1.

С. 190–218.

[65] Там же.

[66] *Словарь книжности и книжников*, 1987. С. 136–137.

[67] Там же. С. 147–148.

[68] Там же. С. 159–161.

[69] Там же. С. 374–376.

[70] «В Киевском своде заметны следы летописания черниговского, переяславльского, галицкого и владими́ро-суздальского...» (*Толочко*, 2003. С. 145).

[71] *Петрухин*, 2000. С. 231.

[72] А.А. Гишпиус считает началом владычного летописания 1132 г. (*Гишпиус*, 1999. С. 357).

10

к заметной интенсификации торговли и ремесел приводит усиление местного боярства после «революции» 1136 г., благодаря чему активизируется колонизация Севера, увеличивается импорт сырья, растут объемы внешней торговли. Именно к этому времени относится организация первых иноземных торговых дворов и консолидация купечества в корпорации типа «Иваньского ста» [73].

Общие процессы, происходившие в разных видах ремесел, наиболее отчетливо прослеживаются по хорошо сохранившимся произведениям новгородских мастеров. Согласно концепции Б.А. Колчина, с 1120–1130-х гг. начинается новый период в развитии новгородского ремесла, длившийся до 1270–1280-х гг.: «Он характеризуется резким расширением ассортимента продукции, высокой специализацией внутри отдельных отраслей ремесла и одновременно значительной рационализацией производства — упрощением технологии» [74]. Этот же процесс приводит к «упрощению конструкции предмета, форма становится более лаконичной и утилитарной, и вместе с тем меняется понятие декоративности» [75]. Об этом же на примере ювелирного искусства писала

Н.В. Рындина, отметившая, что постепенное упрощение приемов к концу 1170–1180-х гг. приводит к появлению форм, имитирующих сложные техники [76].

Успехи местных ремесленников и рост торговли усиливали конкуренцию между купцами, а вместе с ней вели к тому, что помимо традиционных торговых путей появляются новые — на Балтике и по Черному морю. Как пишут С. Франклин и Д. Шепард, «успехи Киева», где теперь «стали производить многие товары, ранее привозившиеся извне», откуда их вывозили на Север, «заставляли» черноморских купцов наряду с путем по Днепру отыскивать и другие торговые пути из Византии: «Более значительную роль начинали играть пути к Галичу от Дуная, из Приазовья по Дону» [77]. Естественно, что и возможность контролировать эти пути получали уже не киевские, а галичские и чернигово-северские князья. Галичские, владимирово-волынские, смоленские, полоцкие князья и новгородские бояре контролировали и те торговые пути, что вели на юго-запад, запад и северо-запад Европы — в Венгрию, Чехию, Польшу, Германию. Владимиро-суздальские князья боролись с Новгородом за влияние на территориях Севера, где добылись ценные меха.

Вместе с тем слабая экономическая освоенность колоссальных территорий русской равнины наряду с продолжающейся колонизацией новых земель определяла специфику развития древнерусского города XI–XII вв. (соответственно и жизни всех слоев горожан), органически «встроенного в аграрную сферу». Значительная часть «мелких городских промышленников сочетала занятие ремеслом с огородничеством и земледелием». Все это препятствовало «развитию специализации и технического совершенствования городской мелкой промышленности и социального самосознания мастеров» [78].

Помехой на пути формирования корпоративных структур ремесленников и купцов — цехов и гильдий — являлось и отсутствие на Руси прямой связи с наследием античной культуры. А в Западной Европе, где многие города были основаны еще в античную эпоху, такая связь существовала и являлась важным фактором, способствовавшим развитию ремесел [79]. Она сказывалась не только в преемственности художественных стилей, технических и технологических приемов, но и в том, что население городов сохраняло и самую традицию организации ремесла и торговли [80].

Конечно, в Киеве и Новгороде, Чернигове и Смоленске, других крупных городах Руси существовали привилегированные мастера, чьи произведения отличались высоким качеством, но по отношению к осталь-

10 Цера — дощечка для письма по воску. XII в. Обратная сторона. НГОМЗ

[73] Янин, Колчин, 1978. С. 25–34; Курбатов, 2007. С. 88–133.

[74] Колчин, 1975. С. 53–55. См. также: Янин, Колчин, 1978. С. 34; Колчин, Янин, 1982. С. 91, 122–124.

[75] Янин, Колчин, 1978. С. 25.

[76] Рындина, 1963. С. 259–261. Такую закономерность эволюции ремесла подтвердили и исследования Л.В. Покровской (Покровская, 1995. С. 181–191; Покровская, 2000. С. 139–149).

[77] Франклин, Шепард, 2000. С. 483.

[78] Егоров, 2008. С. 58–59.

[79] Там же. С. 56.

[80] Швеленко, 1993. С. 140–147.

ной части ремесленников их было немного. Они работали исключительно по заказам княжеских и епископских дворов. Для пополнения их «корпуса» князьям нередко приходилось приглашать мастеров из соседних стран. В первой половине XII столетия число пришедших художников, насколько позволяют судить сохранившиеся памятники, было еще относительно много, но по мере развития местных политических и культурных центров их становилось все меньше, в то время как число местных мастеров постоянно возрастало.

К художественной элите принадлежали зодчие, ювелиры, мастера монументальной живописи и пластики. Качество мастерства всегда являлось свидетельством высокого социального положения мастера, однако князья могли привлекать к выполнению не самых престижных заказов и мастеров не слишком высокого профессионального уровня. Чаще же всего большая часть работ осуществлялась руками тех, кто находился в той или иной зависимости от заказчика — являлся его слугой («клеветом»), чьим повседневным занятием могли быть самые разные дела, в том числе и хлебопашество. О существовании особого слоя «вотчинных ремесленников», входивших в состав членов княжеского двора, свидетельствует «Пространная Русская Правда», на что впервые обратил внимание Б.А. Рыбаков [81]. Именно такую практику фиксирует сообщение летописца о поновлении в 1194 г. по приказу «блаженного епископа Иоанна» обветшавшей соборной церкви Рождества Богородицы в Суздале: «...а не ища мастеров от Немець, но налезе мастера от клевет святое Богородици и своих» [82] (т. е. нашел мастеров среди людей, бывших в услужении у соборного клира, и среди своих собственных слуг). Впрочем, наряду с мастерами, находившимися в феодальной зависимости от заказчика, наиболее ответственные и престижные строительные работы выполняли свободные мастера, образовывавшие «дружины» (артели), работавшие по найму, нередко приходившие издалека. Наиболее известным примером того служит приход в 1158 г. к Андрею Боголюбскому во Владимир для строительства Успенского собора мастеров разных профессий, которых «приведе ему Бог из всех земель» [83].

Существование практики сезонных работ, после которых мастера расходились или уходили на новое место, отчасти объясняет случаи, когда после длившегося годами перерыва в деятельности артели строителей она возрождалась вновь. Во всех случаях носителями традиции выступали не отдельные ремесленники, а организаторы и руководители работ — «нарядчики» и зодчие [84]. Зодчие, обладавшие специальными и редкими для того времени знаниями и опытом,

которым трудно было найти замену, безусловно, относились к элитарной части общества. В этой связи П.А. Раппопорт обратил внимание на то, что строитель многих храмов и опорной стены в Выдубицах Петр-Милонег назван «во... приятелех» князя Рюрика Ростиславича [85], а новгородский зодчий «Коров Яковличь» «назван с отчеством, что для того времени, безусловно, свидетельствует о его достаточно высоком положении на социальной лестнице» [86].

Знаком принадлежности самих заказчиков к элитарному слою общества всегда служили величина, импозантность и украшенность заказываемых ими построек. Об этом же свидетельствовали превосходный технический и художественный уровень ювелирных изделий, произведений иконописцев и резчиков по камню, использование драгоценных материалов, осмысленная избирательность иконографии изображений, в которых часто можно найти указания на личность ктитора.

Техническое и художественное совершенство произведений разных мастеров, наличие обильного декора в сочетании с изображениями геральдического характера, фигурами царей и князей, сценами царского быта, сюжетами, заимствованными из исторических сочинений, часто служат основанием для отнесения их к памятникам «светского» искусства [87]. Однако согласия по вопросу о правомочности применения понятия «светское» между исследователями нет. Так, в отличие от А.Н. Грабара, который обосновывал возможность и необходимость его использования [88], В.М. Живов считает, что оппозиции «светского» и «духовного» в культуре домонгольской Руси не было. Как он замечает, разнородные традиции византийской литературы с ее разработанной системой жанров на Руси объединялись «в единый корпус христианского предания» [89]. Свою мысль ученый иллюстрирует, рассматривая судьбу перевода «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, которая, по его словам, «в византийском контексте воспринималась, видимо, как историографическое сочинение, сходное по типу с творениями античных историков... В восточнославянской рецепции ничего похожего мы не обнаружим. В последнем случае «История иудейской войны» воспринималась как повествование, содержащее часть священной истории» [90].

Но и эта точка зрения не может быть принята безоговорочно. В качестве примера «оппозиции светской и духовной культуры» В.Я. Петрухин приводит выдержку из «Жития Феодосия Печерского» [91], в котором рассказывается о том, как преподобный, придя в палаты князя Святослава Ярославича, застал у него музыкантов. Одни из них

[81] Рыбаков Б., 1948.

С. 492.

[82] ПСРЛ. Т. 1. 1997.

Стб. 411.

[83] Там же. Стб. 351.

[84] Раппопорт, 1994.

С. 131–134; Булкин, 1998.

С. 232–238.

[85] ПСРЛ. Т. 2. 1998.

Стб. 711.

[86] Раппопорт, 1994.

С. 133.

[87] Высоцкий, 1989; Высоцкий, 1991. С. 99–119.

[88] Грабар, 1962. С. 233–272.

[89] По его мнению, «в Киевской Руси нет оппозиции светской и духовной культуры, поэтому отнесение к тем или иным произведениям атрибута “светское” по существу анахронично» (Живов, 2000/2. С. 604).

[90] Там же. С. 601–602.

[91] Петрухин, 2000.

С. 296.

играли на гусях, другие на органе, а кто-то, вероятно, на зурне («замарыня писку гласящем»); «и тако всем играющем и веселящемся» [92]. Феодосий, несмотря на то, что таким был установившийся ритуал княжеского двора («обычай есть пред князем»), сравнил видимое с адом, задав князю вопрос: «Так ли будет на том свете?» [93].

Тем не менее и приведенный пример нельзя признать убедительным, поскольку совершенно иную картину жизни киевского княжеского двора, наполненную мотивами аскезы, рисует автор летописной статьи, посвященной событиям 167 г. — смерти князя Ростислава Мстиславича. Говоря о его великой набожности, летописец особое внимание уделил описанию почестей, которые он воздавал «чернеческому чину». Среди прочего летописец сообщает о том, что установил князь обычай «оу великии пост, во всякую субботу и в неделю, сажаше на обеде оу себе 12 чърньца, третии на десять (тринадцатым) игумен Поликарп. И тако тех накорми нищих, отпушаше» [94].

В двух эпизодах, заимствованных из произведений, созданных соответственно в конце XI в. и в третьей четверти XII в., нашли отражение происшедшие за семь десятилетий изменения в мировосприятии людей, в том, как ими представляется нравственный идеал. Во втором хорошо различимы следы влияния монашеской культуры. Поэтому можно сказать, что искусство придворное, княжеское по характеру заказа, далеко не всегда являлось светским по существу. И здесь функция и стиль определяют во многом и основные смысловые оттенки замысла заказчика, и то, как его воплощают создатели памятника. Может быть, наиболее внятно данную грань искусства домонгольской Руси позволяет увидеть и понять белокаменная декорация фасадов придворного княжеского Дмитриевского собора во Владимире, в которой, например, далеко не сразу удастся найти изображения Христа и Богоматери, вплетенные в сложную орнаментальную вязь резьбы северного портала.

По мере развития отдельных регионов складываются условия, способствующие формированию неповторимых черт местной культуры — своего рода «говоров», локальных художественных традиций, закреплению их специфических примет. В отличие от искусства первой половины столетия, где практически повсеместно проявляется тенденция к максимальному сохранению стилистических и технико-технологических особенностей заимствуемых образцов, в произведениях второй половины XII в. отчетливо дает о себе знать присутствие мотивов, форм, приемов, внесенных местными мастерами. Если для мастеров первой половины и даже середины столетия одной

из важнейших задач при воспроизведении чтимого образца было сохранение всех его стилистических особенностей, то теперь все чаще этот образец становится основой для создания собственной интерпретации темы, продиктованной условиями заказа, вкусами заказчика и самого мастера. Художники и зодчие начинают более свободно обращаться с «классическими» канонами, стремятся говорить языком, более приспособленным к запросам окружающей их социальной среды.

Закономерности описываемого процесса находят близкие аналогии в том, что происходило с литературным языком, каковым в ту пору являлся язык церковнославянский. По наблюдениям языковедов, в нем с нарастающей интенсивностью шла адаптация «определенных языковых элементов, восточнославянских по своему происхождению» [95]. Изменения происходят даже в системе письма. На основании данных, полученных при изучении берестяных грамот, исследователи установили, что существовала своеобразная бытовая графическая традиция, отличная от книжной [96].

Наряду со сложением оригинальных местных художественных традиций шла и своеобразная их «демократизация». Это происходило в том числе и благодаря выходу традиции господствующей культуры за пределы ее первоначального распространения — в элитарных слоях населения немногих крупных городов — «вширь по всем землям и вглубь общества — вниз по социальной лестнице» [97].

Итогом развития этих процессов является образование сложной стилистической амальгамы, включающей самые разные элементы, характер которых не может быть определен просто противопоставлением понятий: «светское» — «духовное», «языческое» — «христианское», «литературное» — «фольклорное».

Если художественная культура Руси первой половины XII столетия в целом соответствовала понятию местного варианта «византийской традиции», то на протяжении его второй половины она приобретает качества, позволяющие говорить о ней уже как о собственно культуре русского народа. В ней появляются свойства, присущие такому феномену, который Н.И. Толстой определяет как «третью культуру». Важнейшей ее особенностью является симбиоз самых разных элементов, проникших в славянскую среду вместе с христианством, что особенно подчеркивает исследователь. К компонентам этого симбиоза он относит элементы культуры поздней античности — эллинизма, «мотивы ближневосточных апокрифов, восточного мистицизма и западной средневековой книжности... С некоторой осторожностью к элементам ...

[92] БЛДР. Т. 1. 1997. С. 422.

[93] Там же.

[94] ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 530.

[95] Успенский Б., 1994. С. 33.

[96] Зализняк, 1984. С. 89–95.

[97] Франклин, Шепард, 2000. С. 527.

“третьей” культуры можно отнести юродство, скоморошество, городскую карнавальную, ярмарочную площадку» [98].

В эту же амальгаму вплавлены и такие элементы, которые ученые часто расценивают как рудименты язычества, сосуществующего с христианством, и видят в них свидетельство бытовавшего в народе «двоеверия». Однако Н.И. Толстой расценивает их как неприменные черты специфического феномена народной культуры, который он определяет как «бытовое христианство» [ил. 11]. По его мнению, «такое народное христианское мировосприятие», в котором языческие мифологические персонажи и представления имеют «статус “нечистой силы”, отрицательного духовного начала, противостоящего “силе крестной”», нельзя считать «двоеверием», поскольку «силы эти все же неравноправны и не равновелики, ибо воля Божья и промысел Божий господствует над всем и определяет все» [99].

Для истории художественной культуры домонгольской Руси проблема «двоеверия» продолжает оставаться актуальной, так как даже в произведениях, относящихся к разряду искусства элитарного, можно найти «языческие» элементы. Таковы, например, многие рельефы, украшающие фасады княжеского Дмитриевского собора во Владимире. Как справедливо было отмечено И.Н. Данилевским, их значение «нельзя сводить только к мифологии, многое в них может и должно быть объяснено» (далее он цитирует А.Н. Веселовского) «единственно тою силою фантазии, которая творит ради самого творчества» [100]. Действительно, идеи А.Н. Веселовского о том, что существуют определенные закономерности «психического процесса», благодаря которым «мифологические образы могли возникать и на христианской почве» [101], несколько не устарели. Речь в данном случае идет о собственно поэтическом творчестве, основываемся на арсенале каких-то издревле существующих образов, но уже не связанном с задачей осознания их изначального значения. Из этих обломков утраченной древней мифологической системы воображение, как это бывает при поворачивании калейдоскопа, создает некие новые смыслы. Примеры подобного поэтического мифологизма исследователи в изобилии находят в «Слове о полку Игореве».

Как правило, образы архаические, существующие в арсенале фольклора, чаще всего соотносятся с трафаретно-ситуационными темами и мотивами: герой, битва, победа и т. д. Это может быть и битва Георгия с драконом, и битва с тем же драконом, но уже человека-птицы или кентавра, как в рельефах Дмитриевского собора [102]. Но всякий раз помимо сюжетной мотивации или достиг-

11

нутого «правдоподобия» выразительность образа, его глубинное значение определяются множеством едва заметных подробностей. Тут особенно важно понимать, как отдельное изображение соотносится с множеством других образов, являющихся частями системы, в которую все они входят, образуя общий смысловой контекст [103]. Мифологические элементы «не просто присутствуют в изобилии в тексте “Слова”, но образуют единую структуру... Логика мифа подчиняет себе логику реального повествования. Мифологический подтекст оказывается тем фоном, на который проецируется содержание произведения в целом и отдельные мельчайшие его детали» [104].

Общая поэтическая система искусства домонгольской эпохи, в которую оказываются встроенными множество форм, деталей, черт, образующих общий смысловой контекст, может быть уподоблена величественному и сложному архитектурному сооружению. Такое ее свойство, видимо,

[98] Толстой Н., 1996. С. 147–148.

[99] Там же. С. 146. Эту мысль развивает Н. Хамайко: «Речь идет на самом деле не о многоверии, а о многосоставности или многослойности древнерусской культуры» (Хамайко, 2007. С. 113).

[100] Данилевский, 2001. С. 224.

[101] Веселовский, 1938. С. 9.

[102] О метаморфозах, которые могут происходить с героем, пишет А.Л. Баркова, рассматривая в качестве примера образ Зигфрида, который обрел роговую оболочку, намазавшись салом дракона (Песнь о Нибелунгах, 1972. С. 279): «На первом этапе герой проявляет свою “змеиную” природу, что оказывается недостаточным для победы, а на втором этапе — человеческую, благодаря чему и торжествует» (Баркова, 1996. С. 67–69).

[103] Так, Б.М. Гаспаров обращает внимание на то, что весь текст «Слова о полку Игореве» «пронизывает тема оборотня. В частности, многими чертами оборотня наделен сам князь Игорь... В ходе побега (из плена) Игорь укрывается “мглами” и “превращается” в различных животных, доминирующих над различными сферами универсума, — сокола, волка, гоголя и горностая» (Гаспаров, 2000. С. 22–23).

[104] Там же. С. 24–25.

и дало Д. С. Лихачеву основание характеризовать стиль литературы X–XIII вв. как «монументальный историзм» [105]. Однако по мере усиления роли личностного начала, нарастания интереса к духовной жизни отдельно взятого человека, к его поведению в конкретных обстоятельствах прежняя лапидарность образов ослабевает. Как это показывает «Слово о полку Игореве», на смену величественному, но имперсональному «монументализму» приходят интонации поэтические, то мягкие лирические, то исполненные глубокого трагизма.

Такая смена интонаций речи, находящаяся в прямой зависимости от смены нравственных и художественных идеалов, стилистических приоритетов, на протяжении всего XII столетия происходила периодически. Если попытаться охватить широким взглядом панораму искусства этого времени, чтобы отметить наиболее важные вехи таких перемен, то можно выделить как минимум три. Одна из них, приходящаяся на 1120-е гг., отмечает проявление явных признаков перехода от величественного монументализма, аристократического благородства и философской полноты образов искусства конца XI – первых двух десятилетий XII в. к усилению черт аскетической суровости и схоластической отвлеченности, исключаяющей живые чувственные ассоциации с реальным миром. Главной целью становится установление связей между создаваемым художником образом и абстрактными понятиями догматического и дидактического характера. В результате происходит сложение особого языка условных форм и иконографических схем.

Но уже в середине столетия начинают предприниматься попытки оживить этот искусственный, понятный лишь немногим язык новым, более актуальным содержанием. Оно определялось тем, что нормы христианской морали получают в это время значение правил поведения в повседневной жизни. Происходит заметное расширение границ аудитории, к которой обращаются писатели, риторы, зодчие и художники. Их все еще стилистически торжественная, пафосная «речь» обретает интонацию ярко эмоциональную, нередко подчеркнута экспрессивную и страстную. Говоря о предметах возвышенных, авторы неизбежно касаются вопросов политики и идеологии.

Наконец, можно наблюдать, как в литературе и искусстве последней четверти столетия происходит переход от форм и интонации ораторского красноречия к речевым формам, употребляемым обычно при разговоре, касающемся вопросов повседневной духовной жизни людей и их быта. Хронологически и стилистически этот период совпадает с этапом, получившим в истории визан-

тийского искусства наименование позднемониновского [106].

В контексте политической истории Руси названные три этапа стилистического развития уместно в хронологические границы двух крупных эпох, одна из которых охватывает вторую четверть и середину XII в., а другая – последующие десятилетия вплоть до самого конца столетия.

Накопленный за последние десятилетия опыт, вошедшие в научную практику методы комплексного изучения памятников позволяют исследователям достаточно убедительно решать вопросы атрибуции и датировки памятников архитектуры, живописи, художественных ремесел, определять их место в контексте широкой картины развития искусства и строительства, на обширных территориях древнерусских княжеств. Но, конечно, не все проблемы удалось решить. Поскольку многие памятники не имеют точных, документально подтвержденных сведений о времени их создания, существуют разные интерпретации одних и тех же фактов, продолжает развиваться достаточно острая научная полемика по вопросам их датировки, как это можно видеть на примере дискуссии о времени возведения и росписи ладожских храмов – церкви Св. Климента, Успенского собора, церкви Св. Георгия. Научный редактор и редакционная коллегия не считали необходимым придерживаться в таких случаях какой-то одной точки зрения и брать на себя миссию приводить научную полемику к компромиссу. Внимательный читатель, знакомясь с основным текстом глав, посвященных живописи и архитектуре, и обширными примечаниями к ним, получит большой материал для понимания того как сегодня развивается наука о русском искусстве домонгольской поры.

[105] Лихачев, 1973. С. 65.

[106] Hadermann-Misguich, 1965. P. 429–444; Hadermann-Misguich, 1972. S. 43–49; Hadermann-Misguich, 1975. Vol. 1–2.